ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ № 1(18), 2019

Культурология

УДК 008

В.Г. Торосян

Торосян Вардан Григорьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: torosyan5@mail.ru

ФРАНЦИЯ И РОССИЯ – ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

В статье прослеживаются переплетения, сходства и различия в социокультурной истории России и Франции, нити от Просвещения к революциям XX и XXI веков. Обосновывается необходимость и неизбежность современного диалога их культур.

Ключевые слова: социокультурная история, просвещение, революции, диалог культур.

V.G. Torosyan

Torosyan Vardan Grigoryevich, doctor of philosophy, professor, professor of department of history, culturology and museology of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: torosyan5@mail.ru

FRANCE AND RUSSIA - INTERWEAVINGS IN SOCIAL AND CULTURAL HISTORY

The article traces the interweaving, similarities and differences in the social and cultural history of Russia and France, the threads from the Enlightenment to the revolutions of XX and XXI centuries. The necessity and inevitability of the modern dialogue of their cultures are substantiated.
Key words: social and cultural history, enlightenment, revolutions, dialogue of cultures.

Уходящие вглубь истории и никогда не прекращавшиеся связи между Францией и Россией, взаимное влияние культур и судеб этих государств и их народов, параллели, схождения и расхождения дают пищу для размышлений. Точкой отсчета наиболее тесного и уже непрерывного переплетения культурной истории России и Франции уместно выбрать эпоху Просвещения. Если Возрождение, прежде всего, связывают с Италией, то в начале Просвещения, безусловно, находится Франция. Есть основания считать, что и подрыв идей эпохи Просвещения, растущее разочарование в результатах их реализации обнаруживаются в событиях Французской истории.

Идейной базой Просвещения стали, в первую очередь, триумфальные успехи механико-математического естествознания, в которых выдающееся место принадлежало французским ученым – Декарту, Лапласу, Лагранжу, Д’Аламберу. Возникла и крепла уверенность, что как бы хитро и утонченно Господь Бог ни устроил Вселенную, он «не может обманывать нас в наших познавательных устремлениях» (Р. Декарт). Вселенную, подобную тщательно рассчитанному, совершенному механизму, можно и вычислить, разложить по составляющим с помощью механики и математики. «Наука – враг случайностей» – утверждал французский философ Анри Гольбах – «Случайностью мы называем то, причины чего пока не выявили». Реализация своеобразного кредо Просвещения – «Всем знать все обо всем» – происходила в ведущих европейских государствах по многим направлениям:

было введено бесплатное начальное образование, возрастал статус ученого, всячески популяризировались достижения науки. Беспрецедентным явлением стала «Великая Французская энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», издававшаяся с 1751 по 1775 гг. Ее основателями были образованнейшие люди своего времени, философы Ж.-Ж. Руссо и Д. Дидро, активно участвовали в ней Вольтер, крупные физики и математики. Созданная и издаваемая дворянами Французская энциклопедия, тем не менее значительное место отводила наряду с наукой и ремеслам, к написанию соответствующих статей были привлечены рабочие и ремесленники.

Французская энциклопедия была не просто собранием практически всех знаний того времени. Уверенность в возможностях человеческого разума, распространяясь с познания природы на общественные явления и неуклонный общественный прогресс, сделала энциклопедию в ее оценке историка Дюкро «осадной башней штурмующих небо», гимном человеку, науке, своеобразной декларацией прав человека: «Религия, понимание природы, общество, государственный строй – все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал мерилом всего существующего» [1, с. 189]. Достаточно сказать, что в статье «Общественный договор» утверждалось, что если государство не выполняет вверенных ему народом обязанностей, народ вправе свергнуть его. Неизбежным следствием стало запрещение ее дальнейшего издания под предлогом того, что оно... слишком затянулось. Подобный опыт хорошо знаком из нашей истории.

Еще более поучительные и зловещие параллели прослеживаются в истории и последствиях Великой Французской революции 1789 г. и Великой Октябрьской 1917 г. Свергнув изжившую себя, погрязшую в роскоши и безделии монархию («если у народа нет хлеба, пусть едят пирожные»), Французская революция прибегла к террору, непрекращающимся казням. Уничтожению подлежали поголовно все дворяне – даже не выступавшие

против революции – они просто «не вписывались в картину будущего общества». Вскоре одни революционеры стали казнить других – и так по цепочке. Обращаясь к опыту Французской революции и Парижской коммуны, вождь российских революций считал их главной ошибкой недостаточную жесткость. Не допуская никаких «сюсюканий» и «миндальничаний», В. Ленин требовал всемерной активизации расстрелов, разнообразия опыта карательных мер.

Любая революция ставит перед собой задачу воспитания нового человека. Важные и многообещающие педагогические начинания, отвечающие идеям гуманизма, естественного природосообразного образования развивали во Франции ее великие просветители, Руссо и Дидро. Выступая против таких проявлений культуры, которые убивают в человеке все человеческое (сейчас уместнее было бы обратиться к понятию цивилизации), Руссо был против жесткой регламентации образования, принуждений, убивающих интерес к жизни. В том же духе высказывался Дидро.

Успехи Просвещения заставили присмотреться к ним многих европейских монархов, в том числе Екатерину II. Состоя в длительной, характерной для того времени переписке с Дидро и Вольтером, она даже поручила Дидро составить «План Университета для России», который, впрочем, был похоронен заключением императрицы, что «сие сочинение не годится для условий России»: не свобода (liberte) была характерна для ее истории, а «вольность», чего не могла допустить самодержица.

Много позже, истребив «не вписавшихся» аристократию и интеллигенцию, русская революция поставила задачу, словами Бухарина, «штамповать интеллигентов, вырабатывать их, как на фабрике». Последствия такой штамповки мы пожинаем и по сей день.

Горькой иронией судьбы явилось то, что все, происходящее в советской стране, объявлялось продолжением учения К. Маркса, весьма внимательно воспринявшего уроки Французской революции и

предостерегавшего от ужасов русской. Важнейшим выводом социальной теории Маркса было трагически игнорированное у нас утверждение о том, что жизнеспособно только то общество, в котором любые изменения происходят естественным историческим образом, т.е. вызревая в недрах предыдущей общественно-экономической формации (выражаясь современным языком, социокультурной системы).

Во многом идеями французского Просвещения были вдохновлены декабристы, вышедшие в 1825 г. на Сенатскую площадь. «Страшно далеки они были от народа», – справедливо сказал о них Ленин. Декабристы были чистыми душой идеалистами, не сознававшими, что в истории все должно созреть. Однако именно такие пассионарии и направляют созревание исторических изменений. Как-то один из потомков декабристов спросил русского революционера начала XX века, за что же они борются? «За то, чтобы не было богатых!». – «Странно, а мой дед боролся за то, чтобы не было бедных».

Особенно остро нереализованность идей французского Просвещения обнажилась на рубеже XVIII – XIX вв., когда они в глазах романтически настроенной общественности олицетворялись Наполеоном. Гипнозу имени Наполеона поддались и великие европейцы. Гегель, увидев из окна своего кабинета в Йене въезжавшего на белом коне властителя, воскликнул: «Вот он, мировой дух, вступает в наш город». Бетховен посвятил было Наполеону свою Героическую симфонию, но именно в этот день узнал, что тот, узурпировав власть, объявив себя императором. В гневе великий композитор топтал ногами свое посвящение. – «И он оказался таким же, как все».

Походы Наполеона, разрушив иллюзии французского Просвещения, обозначили вступление в тяжелейший век, неотвратимо ведущий к новым революциям и войнам, теперь уже мировым.

Девятнадцатый век, отмеченный «горькой печатью тяжелого трудового дня» (Х. Ортега-и-Гассет), еще и оказался веком всемирной колониальной системы, созданной европейскими государствами, включая даже такие

маленькие, как Дания и Голландия. Именно борьба за колонии и всеобщий передел мира оказались одной из главных причин Первой мировой войны. Нельзя не обратить внимание на то, что захват колоний оправдывался внедрением «европейских ценностей» в обделенные ими страны. Именно так оправдываются сегодня «цветные революции», «майданы» и прочие изобретения информационной эпохи. Носителем Просвещения провозглашал себя Наполеон, «культуртрегером» возомнил себя Гитлер, подобным образом видел свою роль Александр Македонский, вовремя остановившийся, к неодобрению своей армии, перед Индией с ее великой культурой. Выполнителями миссии, доверительно возложенной на них самим Богом, объявляют себя сегодняшние руководители США.

Возвращаясь к событиям начала XX века, можно сказать, что при всем различии культур России и Франции именно Франция оказалась наиболее притягательной для волны русской эмиграции, начавшейся еще до революции. Как обогатили французскую и вообще мировую культуру Дягилевские сезоны в Париже, композиторы, художники, писатели из России. Характерно, что именно русские женщины оказались в Париже музами великих европейских художников и поэтов – С. Дали, П. Пикассо, Ф. Леже, А. Модильяни, П. Элюара.

Взоры русских эмигрантов, проживающих за рубежом, оставались обращенными к России, огромную помощь оказывала эмиграция нашей стране во время Великой Отечественной войны, многие наши соотечественники участвовали во французском Сопротивлении. Характерный эпизод. Вскоре после окончания войны в ложе парижской оперы оказались Иван Бунин (известный своей ненавистью к советскому строю) и офицер Красной Армии. Тот, узнав Бунина (!), не побоялся «поприветствовать великого русского писателя». На что Бунин ответил: «Позвольте выразить глубокое уважение к офицеру доблестной Красной Армии».

Будучи союзниками в Мировой войне, Франция и Советский Союз сохраняли глубокий интерес и уважение друг к другу и в последующие годы. Сохраняются они (и даже возрастают) и в условиях всяческих санкций и сейчас. Происходит обмен художественными выставками и конкурсами, высокой популярностью пользуется Дом российской культуры, открывшийся недавно рядом с Эйфелевой башней. Говоря о современном диалоге культур, культуре как «мягкой силе», хочется привести слова бывшего министра культуры РФ М. Швыдкого: «Русская культура неизменно притягательна, причем не только в высоких классических образцах. Без ее присутствия в мировом пространстве не складывается то полное, универсальное представление о человеке и пространстве, которое необходимо для понимания и переживания XXI века» [2]. То же можно сказать и о культуре Франции. Культурным связям России и Франции не смог помешать «железный занавес», как не помешают и санкции. «Жизнь коротка, искусство вечно».

Список используемой литературы:

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19.
2. *Швыдкой М.* Как найти верный путь? [Электронный ресурс] // Российская газета. № 31(7789). URL: https://rg.ru/2019/02/12/shvydkoj-obmeny-mezhdu-muzeiami-rf-i-ssha-eto-ne-prihot-professionalov.html (дата обращения 13.02.2019).